

ЧТОБЫ БЫТЬ ЖИВЫМ,
НУЖНО УМЕРЕТЬ ДЛЯ МИРА

— ДЕНИС ВАСИЛЬЕВ —

Денис Васильев

**Чтобы быть живым,
нужно умереть для мира**

«Издательство «Союз писателей»

2026

УДК 82-821
ББК 84(2=411.2)6

Васильев Д. В.

Чтобы быть живым, нужно умереть для мира / Д. В. Васильев —
«Издательство «Союз писателей», 2026

ISBN 978-5-00255-351-8

Эта книга — сочетание прозы и поэзии, переплетение волшебного и реалистичного, перекресток смешного и серьезного, тандем философского и приключенческого. Рассказы, сказки и стихотворения на страницах неординарны, удивительны, богаты нетривиальными образами. Они разнообразны по героям, сюжетам и тематикам, увлекают выходящим за рамки стандартов развитием сюжетов и обязательно содержат в себе глубокий смысл, раскрывающийся к финалу, который неизменно оказывается не таким, каким ожидал его читатель. Автор приглашает поразмыслить и сделать выводы, пошалить и повеселиться, покинуть границы привычного и прожить казусные ситуации вместе с его персонажами, в чем-то обязательно похожими на читателя.

УДК 82-821
ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-5-00255-351-8

© Васильев Д. В., 2026
© «Издательство «Союз
писателей», 2026

Содержание

Объединенные миры из-под пера	6
Часть I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Денис Владимирович Васильев
Чтобы быть живым,
нужно умереть для мира
Сборник произведений

* * *

© Васильев Д. В., текст, 2026

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2026

© ИП Соседко М. В., издание, 2026

Объединенные миры из-под пера

Часть I

На дворе стоял далекий 1985 год. Первое сентября. Я зашел в класс и уселся на заднюю парту среднего ряда. Передо мной сидели двое новеньких – Андрей Андреев и Василий Васькин. Прошу заметить, что это отнюдь не вымысел в подборке мной имен со схожими фамилиями, а действительность.

Познакомившись с новыми мальчиками, я считал Андрея скучным и неинтересным, а вот с Васькиным в дальнейшем, гуляя, проводил свободное время, всячески подшучивая над ним. Детские забавы, состоящие из прогулок на природе и стройках, подходя к своему завершению, оканчивались для Васькина тем, что я его выводил из себя вроде бы безобидными обязательствами. К примеру, когда он был непоколебим к моим попыткам вывести его из эмоционального равновесия, стоило мне его назвать лысым кукушонком, он останавливался, параллельно растянув губы так, что уголки не задирались, и со сжатыми кулаками начинал на меня надвигаться. Слегка нарушив мое личностное пространство, вполголоса, остановившись, сквозь гримасу произносил: «Слушай, знаешь, ну все!», прибавив после каждого произнесенного слова многозначительную паузу, наталкивая на размышления о серьезности его дальнейших действий. Но, вопреки ожиданиям, Василий лишь топал ногой, разворачивался и уходил.

Василий был конопат, с квадратным лицом и вдобавок коренаст. Школьный костюм сидел на нем, кстати, неплохо, не хватало только галстука, чтобы скомплектовать в себе образ будущего начальника.

Однажды на уроке литературы учебник у всего класса был раскрыт на месте фото памятника Ленину во весь рост, указывающему пальцем в светлое будущее, и соответствующей тематикой текста. Я по-прежнему сидел в среднем ряду, но ближе к доске, и соседом по парте на сей раз у меня был Василий.

Выбрав удачный момент, когда учительница была занята, я достал из кармана пиджака бутылку с зеленкой, который принес с собой в школу как предмет аптечки, и брызнул на фото Ленина в учебник «Родной речи» своему соседу. Васькин растянул губы, что-то пробормотал и поднял левую руку, потом облокотил ее на правую, лежащую на парте.

Поняв, что он хочет съязвить, я привстал со стула и стал тянуть руку, сотрясая ей в нетерпении высказаться. Учительница жестом подняла меня со стула, и я выпалил:

– А Васькин вот что сделал! – И указал пальцем в его учебник.

Анна Егоровна – так звали учительницу – подошла и, увидев расплывчатое зеленое пятно на облике вождя пролетариата, сказала:

– Васькин, вон из класса!

Василий медленно встал, так же медленно повернулся на меня с уже знакомой вам гримасой и, произнеся в мой адрес сквозь зубы: «Собака!», вышел в коридор. От всего произошедшего мне стало смешно, и я, не сдержавшись, прыснул, после чего Анна Егоровна попросила удалиться и меня.

Когда Василий увидел меня выходящим из класса, дабы скрасить его одиночество, он приблизился ко мне со сжатыми кулаками и произнес:

– Слушай, знаешь, ну всё!

Толкнул ногой и, развернувшись, отошел на незначительное расстояние, а вдогонку услышал от меня язвительное: «Васькин!» – с акцентом на букву «и».

Но за все мои проделки он меня прощал, как только встречался глазами с моей беззаботной улыбкой. Мы вновь гуляли и болтали в меру интересов, на которых соприкасались наши

личности. Но Васькин был слишком обстоятельным, чтобы я воспринимал его всерьез, и нет-нет он уходил домой раздосадованный после моей очередной шутки.

Еще у меня был друг – Миша Аноп, с ним мы познакомились ранее, еще в первом классе.

Вот как это было. Я, как и все дети, проходя в помещение и видя еще незнакомых ребят, остановил взор на выделяющемся из толпы мальчике с большими задумчивыми глазами. Весь его вид источал благородство. И я загорелся желанием с ним подружиться. Я подошел к нему и представился. Он охотно сделал обратный жест. Тогда я себе и представить не мог, что наша дружба продлится долгие годы. Кстати, ему тоже доставляло удовольствие допекать Василия.

После же нас троих самыми последними приняли в пионеры, и то я не прочел торжественной клятвы, но об этом далее...

Несмотря на то что я был девятилетним мальчиком, в классе я прослыл антисоветчиком. Одной из причин этого послужил рисунок гроба на всю доску с надписью на нем фамилии генерального секретаря, ушедшего на тот момент в мир иной, и это Черненко.

У меня сохранилось фото нашего класса, где все с галстуками (пионерскими) и лишь трое ранее упомянутых без него. Принимать в пионеры нас водили в кинотеатр «Искра», что и ныне расположен в г. Владивостоке, но реконструирован и являет собой торговый центр.

Как Мишу приняли в пионеры, я не помню, когда же Василий читал торжественную клятву со сцены в микрофон перед значительной аудиторией, состоящей не только из детей, но и из взрослых, я, стоя сзади, уколол его раскрытым пионерским значком в задницу, после чего он айкнул на весь зал. Анна Егоровна быстро повязала ему галстук.

После этого настала моя очередь. Но я никак не мог успокоиться после озорства и рассмеялся в микрофон. Анна Егоровна, чтобы не было чего похуже, быстро повязала мне галстук, и я отправился восвояси.

В одиннадцать лет я исписал двенадцатистовую тетрадь поэмой «О Васькине» – задорную юмореску.

В двенадцать же лет мы с Михаилом вдвоем часто гуляли вместе и придумывали разные смешные истории про нашего одноклассника Василия, пересказывали друг другу в устной форме и смеялись.

А однажды Михаилу пришла в голову идея, что он будет писать фантастические рассказы о межпланетных путешествиях Василия, а я добавил: «Я тоже буду писать про него!» Мы, каждый исписав по двенадцатистовой тетради, дали друг другу почитать.

Через некоторое время мы уже обменивались стопками черновых. А через четыре года у меня дома стояли две шестидесятисантиметровых стопки рукописей. Я стал давать свои сочинения знакомым, в том числе и взрослым.

Моей маме очень нравились мои сочинения, и она, прочтя, с нетерпением ждала продолжения.

К сожалению, рукописи у меня не сохранились, и я попытаюсь что-то приукрасить, что-то воссоздать и представить вашему вниманию...

* * *

В комнате мерно постукивал маятник старинных часов, не нарушая тишины, а, напротив, сливаясь с ней, потому что не создавалось помех возникшей беседе.

– Васенька, подойди! – произнес прикованный к кровати старик своему внуку.

– Что, дедушка? – подойдя к умирающему, спросил внук.

– Я хочу открыть тебе страшную тайну: я, Терентий Измайлович Васькин, прилетел на Землю с далекой Соберказы, системы Грейбудри, что в созвездии Ядовитого Паука, отсюда не видать.

– Что-что, дедушка? – изумился внук, не соглашаясь с услышанным в силу несовершенности восприимчивости звуковых колебаний слуховыми каналами.

– Да-да, Васенька, ты, дорогой, не ослышался, твой дед – инопланетянин.

– А бабушка? – вырвалось у Василия.

– Твоя покойная бабушка, Клавдия Тимофеевна, имеет земные корни, а теперь живет на Луне, я ее туда отправил, чтобы увеличить срок жизни (ее) в пятьсот раз. – С этими словами дед видоизменился, позеленел, осунулся, и глаза в оправе век стали абсолютно круглыми. Он бодро встал с кровати и, подойдя к внуку, положил зеленые кисти рук ему на плечи и, надавив, принудительно усадил на стоящее за спиной того кресло.

– В земной трансформации мое тело изнашивается и готово к смерти, до Соберказы мне не добраться, а преодолеть такое незначительное расстояние, как от Земли до Луны я могу посредством телепортации. Мой вид не предусматривает долгого нахождения в вашей атмосфере, а, как ты видишь, я принял свой истинный облик, все остальное я расскажу тебе, явившись во сне на второй день нашего прощания.

– Подожди, дедушка! – собравшись с силами, молвил Василий.

– Скоро мы с тобой свидимся. И с бабушкой. Она, кстати, ничуть не изменилась. А похоронили мы вместо нее кабанью тушку, которая, по моим подсчетам, совпала с массой ее тела, и я придал свинине облик твоей бабушки.

С этими словами дедушка достал у себя из орбиты правый глаз и на глазах у оторопевшего внука раздавил его в ладони. Последовала вспышка, как при сгорании магния, и дедушка-инопланетянин растворился в пространстве, оставив вместо себя аккуратно стоящие тапочки.

Минуло два дня, скоро должны были приехать из командировки оба его родителя, работающие на одном предприятии в одной конторе. Васькин наложил несколько кусочков камбалы в тарелку своему питомцу – коту Уть-Уть, и тот на запах из зала прошмыгнул на кухню, вкратце благодарно шаркнув головой и боком туловища хозяину о ногу. Вмиг оказавшись подле лохани, урча стал расправляться с трапезой. Василий сделал заданные уроки под не мешающие ему песни Высоцкого, раздающиеся негромко из винилового проигрывателя, и на словах из динамика: «Кто сказал, что Земля умерла, нет, она почернела от горя...» – распахнул окно в своей комнате и, высунувшись по пояс в проем, увидел в палисаднике, расположенном прямо под его окнами (а жил он на втором этаже двенадцатиэтажки), проклюнувшиеся сквозь почки листики саженцев кустарника, удачно перезимовавших и вот теперь на исходе апреля показавших свои индикаторы отхождения от зимней спячки в виде характерного окраса весенней листвы, насыщенной хлорофиллом. Один из кустов – в ассоциации мышления Васькина – напомнил ему карликовую яблоньку, где вместо фруктов ветви были облеплены «малочисленным народцем» – воробьями. И «яблоки» менялись местами, чирикали, дрались. Птичий галдеж настолько заворожил Василия, что он представил себя одним из них, только со своим разумом, явившимся во впредь упомянутую компанию, чтобы поведать им, что он человек, живет своей жизнью и что в помыслах не имеет намерений никак им навредить, поэтому они совершенно зря разлетаются, лишь завидев его на подступах к своим шумным мероприятиям.

Тут мимо аккуратно смонтированного заборчика, обрамляющего палисадник, вслед за кошкой пробежал большой дворовой пес Гургурей, но вскоре завершил свое преследование, потому что та забралась на дерево и оттуда взирала на преследователя, то и дело встающего на задние лапы не в силах смириться с тем, что хоть на зубок не попробовал вкуса кошачьей шерсти.

– Гургурей, нельзя! – выкрикнул в окно Василий. Они были знакомы, и мальчик не раз подкармливал бродягу.

Пес повернулся и, увидев в окне знакомое лицо, приветливо завилал хвостом. Гургурей стал носить данное прозвище благодаря Василию. Тот обожал нарекать братьев наших меньших не по шаблону, а всякими замысловатыми именами, которые не перекликались не только

с русским языком, но, по-моему, и со всеми остальными, которые выдумывал сам, а когда делился этим с детворой, те принимали их на ура.

Гургурей был размером со взрослую овчарку, но имел при этом бледно-рыжий окрас и всякие большие уши. Он любил Василия и неоднократно при встрече с ним гулял, пока не встречал себе подобных особей, на этом их общение прекращалось.

Вася коснулся ногами пола комнаты, в которой только что висел на подоконнике, и, мимоходом взглянув на часы, засобирался в школу, ни на минуту не забывая о последнем своем разговоре с дедом, его исчезновении, о том, что в грядущую ночь он должен был ему поведать, и, наконец, о том, что же он по этому поводу скажет родителям, которые в грядущую пятницу должны будут вернуться из Находки из командировки. Василий собрал портфель, попил чая с халвой, переделся в школьный костюм и, миновав пределы многоквартирного дома, устремился к близстоящей школе. Переполнявшие голову мысли о том, что он наполовину инопланетного происхождения, придавали ему уверенности, а предстоящая ночь сулила встречи с неведомым.

Миновал день, наступил поздний вечер, Василий захотел спать.

Он лег под одеяло и закрыл глаза. Лишь только началось погружение в сон, перед ним появилась картина: пустой зал, заполненный непонятым свечением, и силуэт его деда, приближающегося к нему. Когда тот подошел близко и они поприветствовали друг друга, дед сказал:

– Межпланетный космический корабль, на котором я прилетел на Землю, переходит, внук, тебе, он находится в выдвижном ящике трельяжа и состоит из сплава металлов, которых нет на Земле. Даже утраченному людьми булату не сравниться с ним по прочности, не одна сотня напильников обречена сточиться об сей сплав, они даже на йоту не сточат фтальвидатник – так именуется корпус космического аппарата. А увеличить его (корабль) можно кодовым словом «бл-ддок» и так же уменьшить. Но только не вздумай это делать дома, иначе все бетонное сооружение разделится на куски. В общем, уйдешь с ним в лес, найдешь просторную поляну и увеличишь его. После же произнесешь кодовое слово «улай», и в корабле появится достаточное для входа овальное отверстие. Как только ты в него зайдешь, скважина сузится и исчезнет. В корабле находится преобразователь кислорода, двигатель работает на вакууме и черпает его из космоса, перегреву не подлежит. Тебе лишь стоит вслух произнести координаты желаемого путешествия, и аппарат в мгновение ока очутится в заданном уголке Вселенной. Для безопасности я даю тебе оружие – лазер, преобразующий фотоны света звезд в испепеляющий для объекта луч. Возьми. – И дед протянул Василию странный светящийся шарик. – Как с ним обращаться, разберешься сам.

Василий принял оружие и проснулся. Когда привстал с кровати, обнаружил лежащий под рукой лазер.

«И откуда дед взял, что я хочу быть путешественником, да еще и межпланетным? – мелькнула в голове нашего героя мысль. – Но что же мне сказать родителям по поводу исчезновения деда?»

И вдруг увидел на дедовом диване замороженную свиную тушу, которая на глазах стала видоизменяться, и вскоре перед его взором возникло бездыханное тело его деда.

Приехали родители. Василий соврал им, что дед умер. Не буду утруждать читателя дальнейшей подготовкой к погребению и самими похоронами. А перейду сразу к тому, как инопланетный дедушка на расстоянии от Луны до Земли транспортировал живого поросенка в идентичное подобие своего внука, но с программой как у биоробота выполнять привычные функции Василия, чтобы ни в школе, ни дома, ни где-либо еще не заметили подмены.

Обрадованный тем, что все сложилось подобным образом, Василий не стал дожидаться, когда родители зайдут в его комнату, сунул в карман лазер и космический корабль и, хлопнув входной дверью, скатился по перилам на первый этаж. Покинув дом, он поднялся на близсто-

ящую сопку, где обычно с друзьями жег костры, и, достав из кармана космический корабль, напоминающий шкатулку, поставил посреди поляны и произнес кодовое слово, которое для большей загадочности именовал волшебным.

Аппарат в мгновение ока увеличился до размеров двухэтажного дома, и Василий, подойдя к нему, произнес второе волшебное слово, чтобы открылась дверь. И тут же посреди блестящего куска металла появилось овальное отверстие, в которое без труда и проник наш герой. Разъем исчез.

Василий оказался в детской комнате своей квартиры, подле него стоял пульт управления с табло, на котором виднелся перечень обитаемых планет, до которых он мог добраться в мгновение ока, минуя расстояние, через специальные коридоры в пространстве.

«Как хороший дед, он все предусмотрел, даже отсек с пультом управления сделал в виде моей детской комнаты», – мелькнуло в голове у Василия.

Он, немного помешкав, выбрал планету для своего первого путешествия. По-дедовому она называлась Микюкля, и, произнеся название вслух, почувствовал небольшой толчок... Дверь в корабле открылась, и наш путешественник вышел на залитую лучами местного светила поляну. Приглядевшись, он увидел, что среди синей травы на тонких стебельках вместо лапок из земли произрастают небольшие птицы, размером с наших голубей. И вдруг на глазах у Василия одно такое создание изо всех сил забило в воздухе крыльями и оторвалось от стебля ввысь. Оказалось, птица не одинока, вместе с ней в небе кружило приличное количество пернатых. Василий подошел к одному из растущих на стебельке и спросил:

– Кто вы?

На это птица ответила ему человеческим голосом:

– Мы маркуды – цветкоптицы, растем, пока желание к полету не победит страх перед смертью, ведь если мы отрываемся от стебля, то к вечеру умираем, но зато проводим остаток жизни в головокружительном полете! – С этими словами цветкоптица забила крыльями и, оторвавшись от стебля, взвилась в местное небо, освещаемое двойной звездой, напоминающей неразделенные клетки в процессе деления.

Тут наш герой увидел, как к его ногам с небес упало одно из таких крылатых созданий. Оно было мертво. Затем еще одно и еще. Вечерело. Светило слишком быстро начало прятаться за гору, обдав все вокруг голубоватым свечением. Тут взгляд нашего героя остановился на одной цветкоптице, которая и не собиралась взлетать.

– А почему ты не взлетаешь? – вырвалось у Василия.

– Я очень боюсь смерти и поэтому сменил уже десяток поколений. И у нашего народа слышу мудрецов, который много повидал на своем веку. Но что я видел на своем стебле, если так и не решился посмотреть на мир с высоты птичьего полета, а значит, никакой я не мудрец, каковым меня все считают, а просто трус!

– Ну, ладно, не убивайся ты так. Хочешь летать вместе со мной в разные закутки Вселенной?

– Но как это возможно? – спросила цветкоптица, которую, как выяснилось, зовут Смудбоусом.

Василий вынес из космического корабля цветочный горшок, который стоял в его комнате, так искусно оформленной его дедом, чтобы напоминать внуку о Земле, и, окопав цветкоптицу, пересадил ее в горшок и, занеся в космический корабль, поставил на журнальный столик.

Смудбоус оказался очень интересным собеседником, и Василий, обследовав свой космический аппарат и разобравшись в его широких возможностях, при помощи робота-помощника, которым являлся второй отсек в корабле, сконструировал гусеницы с платформой, на которые установил цветочный горшочек с Смудбоусом (Смудо – такое простое имя цветкоптице дал Василий), и задал ритм управлять платформой силой мысли. На удивление, гусеницы

двигались довольно быстро. Мальчик принялся изучать корабль и его возможности. Он даже разобрался, как во время путешествия из одной галактики в другую можно продлить время, дабы космический аппарат не доставлял на следующую планету так быстро. А в третьем отсеке висело чудо-зеркало, взглянув в которое можно увидеть свое будущее в запечатленных моментах отражений, стоящих друг за другом по мере своего удаления в будущее и так до самой смерти, но из-за того, что каждое грядущее отражение загораживает впереди стоящее, ничего невозможно разобрать. Это изобретение принадлежит деду Васькина – Терентию Измайловичу, носящему такую же фамилию. Но как уже узнает из очередного ночного видения наш герой, настоящее имя деда – Фискул Тудмейк.

Между тем корабль, который Василий нарек «Эстронедой Васькинедой», совершил посадку на планету Фокипию. Наш герой не стал будить своего нового пернатого друга, который, нахохлившись, спал на своем стебельке, а, произнеся волшебное слово, вышел из «Эстронеды Васькинеды» в лесу, где на деревьях повсеместно росли удивительные листья – рыжие не от местной осени, а в силу входящей в состав древесного обмундирования меди. Наш герой двинулся навстречу восходящему светилу, которое тут же мысленно, как первопроходец, нарек Свизлубулой. Долго ли он шел, коротко ли, продираясь через колючий кустарник, но оказался перед скалой, в которой прямо перед ним виднелось достаточное для прохода в пещеру отверстие.

Василий замешкался, но вдруг из отверстия в скале ему навстречу вышел инопланетянин трехметрового роста. Его морщинистое лицо и седая борода создавали впечатление весьма почтенного возраста. Одет он был в черную шкуру какого-то животного, держался довольно бодро. И, не размышляя, что же ему делать дальше, подхватил нашего героя под мышку, скрылся с ним в недрах пещеры, путь через которую лежал в абсолютной темноте, лишь под сводами то там, то здесь мерцали синие точки, похожие как на светлячков, так и на звезды. Наконец впереди появился свет, напоминающий пламя большого костра, и выяснилось, что так оно и было: посреди зала, выдолбленного в пещере с неровными стенами и сводом, полыхал большой костер, а рядом лежали заготовленные на поддержание огня бревна. Старик бросил нашего героя на расстеленные повсюду шкуры и, поднеся блестящую при свете костра цепь на конце с кандалами, закрепил ее у Василия на правой ноге и звякнул защелкой.

А сам начал исполнять никогда не виданный мальчиком ранее ритуальный танец, неистово прыгая вокруг костра. Васькин, напуганный, сидел на корточках и пытался расстегнуть на лодыжке замок, но конструкция была не земная, и нашему путешественнику не удалось освободиться. Когда незнакомец закончил ритуал, он выхватил подобие земного ножа и, приблизившись к Васькину, воткнул ему его под сердце. Тот вскрикнул от внезапной боли, а затем отключился от потери крови и остановки сердечной мышцы. Когда старик вынул у бездыханного Василия сердце, положил его в колбу с какой-то жидкостью. Оно, оказавшись в новой среде, стало биться, несмотря на перерезанные артерии. А Василию между тем старик влил в грудь какую-то розовую жидкость и приложил руку к ране, которая мгновенно заросла. И наш герой открыл глаза.

– Что ты со мной сделал? – испуганно выкрикнул он, не подозревая, что тот поймет.

– Миркунсий, – представился незнакомец. – Ты уже третий землянин, которого мне доставляет Фискул, мой названный брат с планеты Соберказа.

– Но ведь так зовут моего деда, и он именно оттуда, – сказал Василий.

– Никакой он тебе не дед. Он просто принял облик твоего деда, которого доставил мне прежде тебя на 15 земных лет, а еще раньше – и твою бабушку, которым я, как и тебе, извлек сердца и влил вместо них розовую жидкость – кунукулу, которая не растекается, подобно крови, а, подобно огненным всполохам, только циклично вспыхивает и исчезает... вспыхивает и исчезает, вытесняя таким образом кровь и заставляя ее притекать обратно. На этой планете все происходит своим чередом, не ускоряясь, напротив – замедляясь, но время проходит почти

неощутимо для течения жизни, и оттого процесс старения в сотни раз длиннее, чем на вашей Земле. Твой дед, бабушка и ты должны будете умереть. Вскоре я убью вас, так и не дав вам попрощаться. Не оттого, что я такой изверг, просто мои чары должны подействовать лишь при соблюдении определенных правил, вы все должны быть без сердец и оставаться живыми, ваши сердца бьющимися должны быть скормлены чудовищу – Симере, который имеет семь ног и, соответственно, передвигается на семереньках. И наконец, вы должны быть умертвлены в одно время на этом ритуальном костре, не видя друг друга, но так, чтобы не лишать вас зрения. Но и это решаемо. Когда заходит наше светило, наступает абсолютная тьма, даже огонь в пещере становится невидимым, а поэтому неспособным освещать. Даже насекомые кузмис, которых ты видел, когда я нес тебя сквозь грот, вроде ваших светлячков, становятся бесцветными. Но пламя, несмотря на то что невидимо, не перестает сжигать вещество. И в этом ритуальном костре я сожгу вас, лишь зайдет наше светило. А сожгу я вас на ощупь, но ничего, справлюсь.

– А для чего тебе нас убивать? – спросил Василий, размышляя, как ему выкрутиться из создавшейся ситуации.

На это Миркунсий ответил:

– Тогда я и мой брат (названный) Фискул сможем жить, как галактики, миллионами световых лет, мы владеем древней магией, способной подчинить себе целые кочи.

– А что такое коча?

– Вы думаете, что Вселенная одна и состоит из галактик, на самом же деле вселенных, подобно атомам, пруд пруди, и они составляют из себя так называемые кочи, но и коча еще не предел составным звеньям гигантских частиц, для которых наши тела элементарнее в звеньях нисхождения атомарной массы тех частиц, в которых будут уместными единицы нейтрино.

Чужак закончил и стремительно удалился вон.

Василий нащупал в кармане лизер и испепелил свои оковы при помощи него. Затем, достав из костра горящую палку и поднявшись на ноги, побежал к выходу, но по пути наткнулся на ответвление в пещере, в котором тоже, как и в месте, где был пленником Василий, полыхал костер. На привязи был его дед. Не теряя ни минуты, наш герой вызволил его из-под оков и поторопил за собой. Вскоре беглецы достигли еще одной расщелины в скале, в которой томилась бабушка Василия. Луч лизера испепелил и ее оковы. И вот они, уже вдвоем выбравшись из пещеры, – что дед, что бабушка – отправились за внуком, как за вожатым, к космическому аппарату «Эстронеда Васькинеда», как нарек корабль Василий.

Оказавшись внутри корабля, все трое отдышались, и дед сказал внуку:

– Вася, Миркунсий тебя ввел в заблуждение, я действительно житель Соберказы, и другого деда у тебя нет, а на эту планету я прилетел, чтобы свести с негодеем счеты за то, что он похитил с Луны мою супругу, твою бабушку, но Миркунсий очень хитер. Он ждал меня и взял в плен. Вася, тебе немедленно нужно вернуться в пещеру, чтобы забрать свое сердце. Наши на местах, многое из того, что тебе сказал этот негодяй, неправда, но, если твое сердце останется у него, он сможет на тебя воздействовать, и со временем вокруг твоего жизненно важного органа, вынутого этим злодеем, образуется организм, подобный твоему, а в это тело войдет дух Миркунсия, и он будет владеть сразу двумя телами: и своим, и твоим, а тебя же затащит во вновь сформированное, и ты вновь станешь его пленником.

Василий взял фонарь и отправился в пещеру. Ему повезло, что Миркунсия на месте не было, и он забрал свое сердце, продолжающее биться в колбе. До корабля он добрался без приключений. Когда же дед увидел его с колбой в руках, то сказал:

– Ты можешь оживить сердце, то есть физически оно живо и даже продолжает биться вхолостую, но можно из него сделать индивида, потому что модулятор твоего корабля способен на многое и на то, чтобы у твоего сердца прорезались глаза, нос, рот и даже выросли маленькие ушки, а также ножки и ручки. Мозг ему незачем, так как при помощи него только на Земле управляют телами, но вот основной поток информации мозг просто глушит, и поэтому мы

добавим сердцу простой орган без извилин и медиаторов, и душа, которую мы в него вселим, – это твой выбор. Чувства, Васенька, неподвластны мозгу, лишь эмоции.

Василий задумался, а потом сказал:

– Ну, я даже не знаю, кого из умерших можно будет воплотить. А разве такое возможно? Ведь там, на том свете, они все под контролем и никак не смогут быть отпущены, чтобы вселить их в тело.

– Да, Вася, ты прав. Тогда это сердце, которое мы назовем Лязга, будет вторым твоим телом, и ты можешь пользоваться им, ну, к примеру, чтобы проникнуть в мышиную нору.

На этом и порешили. Дед засунул продолжающее биться сердце в модулятор, вербально загрузил программу, и... через минуту сердце уже разгуливало на двух гусеничных лапках и с крылышками по бокам желудочков.

– А теперь, Васенька, представь, что ты в нем.

И как только наш Василий это представил, он вышел из тела и воплотился в новоявленное. И вскоре уже учился летать по кораблю, стены в отсеках раздвигались перед ним образовавшимися овальными пролетами и тут же за ним стягивающимися. И пока он наслаждался полетом, его первичное тело неподвижно сидело в кресле. Когда же Лязге надоело летать, он приземлился на кровать в спальном отсеке, а сам вернулся в прежнее тело.

Теперь у нашего героя появилось не только второе тело, но и другое имя. Между тем корабль совершил посадку на планету Свистирейку, а путь до нее запрограммировал Васин дед.

– Ну что, в путешествие по новой планете? Какое возьмешь тело? – спросил дед.

– Пожалуй, побуду я сегодня Лязгой, – ответил Василий и через минуту уже сидел на плече у деда, выходящего из корабля сквозь возникший в нем овал.

Они оказались на равнине, состоящей из разного размера камней. Посреди всего этого стояла одна колонна, напоминающая земную античность. Дед подошел к ней и увидел посреди узенькую дверцу, через которую в колонну мог проникнуть лишь один человек. Он открыл ее и увидел крупную каменную лестницу, ведущую глубоко вниз, в темноту.

– Здесь без твоего реального тела не обойтись, – молвил он Лязге и отправил «Эстронеду Васькинеду» за телом Василия.

Лязга спрыгнул с плеча и побежал в близстоящий корабль. И через некоторое время уже стоял перед входом в колонну вместе со своим дедом.

– Василий, я недавно видел сон, и в нем было все то, что мы видим сейчас, а сны жителей Соберказы всегда правдивы. Туда, в этот тоннель, должен идти именно ты, чтобы обезвредить Цахерерау – злую ведьму, живущую в мире, куда ведет эта лестница.

Василий открыл створ и протиснулся внутрь, освещая себе путь слабым лучом лизера – таким пучком света он был способен только светить. Шел он в течение получаса, пока не оказался в городе, похожем на земной средневековый, причем над ним было небо, хотя он находился в подземелье. Василий обернулся и увидел за собой лестницу, по которой только что спускался. Она вела прямо в небо, и чем была выше, тем более окутывалась мраком, а там, где становилась невидимой, висело огромное черное облако. Тут несколько местных жителей подбежали к нему, схватили и куда-то повели.

Вскоре его завели в двухэтажный каменный дом, в котором на стуле, напоминающем земной трон, сидела старая-престарая женщина. Василия бросили к ее ногам и сказали, что он посмел сюда спуститься по лестнице, пользоваться которой запрещено всем жителям этой планеты.

– Но я не житель этой планеты! – возразил Васькин.

– Тем хуже для тебя! Я Цахерерау, правительница нижнего мира, а ты, посмевавшийся нарушить наш покой, приговариваешься к публичной казни, которая состоится на площади завтра

поутру! – С этими словами Цахерерау взмахнула руками, и на нашего героя откуда-то сверху упала железная клетка, и он оказался взаперти.

Когда все ушли спать, Васькин достал из кармана лизер, настроил его и испепелил клетку. Затем на цыпочках вышел из дома на улицу и поспешил к лестнице. По пути ему попала пара прохожих, которые не обратили на него никого внимания. Васькин достиг лестницы и уже начал по ней подниматься, как услышал за спиной:

– Не уйдешь!

Он оглянулся и увидел Цахерерау, восседающую на троне. Но вот только ее руки росли вслед убегающему Василию.

Вскоре он стал выбиваться из сил, и Цахерерау даже немного зацепила руками его одежду. Но страх придал ему сил, и он выскочил из колонны, преодолев лестницу, и захлопнул дверцу, да так, что руки ненавистной ведьмы оказались зажаты створками. Она была в ловушке. Рядом стоял дед. Он похвалил внука и добавил:

– Теперь ее не в силах освободить никто из нижнего мира, так как ее указ – это вето, которое не в силах изменить даже она. А именно – «никто не смеет подниматься и спускаться по лестнице, соединяющей оба мира, верхний и нижний». Василий, кочи, как ты уже знаешь, состоят из миллиарда вселенных, а наша коча, в которой мы с тобой живем, являет собой шарф на шее злодея Меё, который настолько огромен, что наша вселенная – это лишь молекула его шарфа. И вот его-то нам с тобой и предстоит победить, ведь чтобы покинуть нашу кочу и увеличиться до сверхгигантских размеров, нам нужно было обезвредить Цахерерау, что мы и сделали. На этой планете, где ты пленил злую ведьму, живет ее злейший враг – Мехейман, он тоже с Соберказы, и он сделал все, чтобы Цахерерау не узнала о твоём прилете. Ты думаешь, не находилось смельчаков, бежавших по лестнице от растущих рук Цахерерау? Их рост, насколько смог, замедлил Мехейман, и благодаря ему ты жив. Меё, он тоже с Соберказы, но он смог увеличиться до чрезвычайно больших размеров, и теперь, как я говорил, наша коча – это лишь шарф на его шее, которым он очень дорожит, так как он волшебный и может предупредить его о приближающейся опасности. Он прекрасно знает обо мне и о тебе, о Мехеймане и о том, что мы нарушили его планы, обезвредив Цахерерау. Следовало бы начать с того, что Меё, сыну злой ведьмы Цахерерау, до рождения было предназначено стать злодеем. Если бы ему его шарф не был столь дорог, он бы давно его сжал – погибли бы не только мы, но и миллиарды вселенных со всеми своими жителями. Теперь же ему придется хорошо спрятать свой шарф – нашу кочу – и уменьшиться до наших размеров, завладеть каким-нибудь космическим кораблем, прилететь на эту планету и освободить свою мать, которая жива, пока все в порядке с шарфом ее сына.

Вот так, внучок, все запутано, но это еще далеко не все, что тебе предстоит узнать. А пока мы находимся от Соберказы на близком расстоянии, я телепортирую с ней свой космический корабль, и вместе с твоей бабушкой улетим на Луну. К сожалению, она (бабушка) не может находиться нигде во Вселенной долгое количество времени, кроме как на Луне, к которой я подготовил ей тело при помощи модулятора.

Как только Фискул все это сказал, перед ним появился корабль, напоминающий «Эстронеду Васькинеду».

– «Эльгвирдэй» – так он называется, – проговорил дедушка Василия, и, простившись с внуком, он вместе со своей супругой отправился в упомянутом ранее направлении.

Василий отнес Лязгу в отсек, который специально подготовил для его почивания, а сам выбрал направление, метнулся в соседнюю вселенную, в созвездие Дикого Петуха, где, как всплыло на табло, его ждала планета Вирюзия. Но теперь наш герой знал, что, какое бы направление он ни избрал, все идет по плану, но чьему – он пока еще не знал.

Освещение в корабле слабо мигнуло. Это означало, что космический аппарат прибыл к цели. Василий попытался открыть дверь, но не тут-то было. На экране возникло предупре-

ждение: «На поверхности – минус 400 °С, атмосфера – разжиженный кислород, население – разумные рыбы, плавающие в жидком кислороде».

Нужен был специальный скафандр. Василий зашел в отсек модуляции, ввел программу и через минуту стоял перед выходом в скафандре с подогревом и преобразователем жидкого кислорода в газообразный в пределах скафандра. Когда он оказался снаружи (а костюм скафандра был с лапами и облегающий, в нем было тепло), Василий поплыл в голубой жидкости. Его дыхание ничего не затрудняло. Тут же он увидел трех рыб своего роста, только с крыльями вместо плавников. Они опасно подплыли к нему на безопасное расстояние и мысленно произнесли: «Кто ты? Мы тебя раньше не видели в наших краях». Василий так же мысленно ответил: «Я путешественник с планеты Земля, что в соседней вселенной, я не причиню вам вреда, моя суть – созидание». «Я так и знал, что на других планетах тоже есть жизнь, но никак не мог предположить, что есть другие вселенные!» – молвила одна рыба, а остальные позвали Василия с собой в свой город, находящийся на дне под атмосферой из жидкого кислорода.

И Василий последовал за ними, то и дело мысленно прося не тараниться, так как его конечности были не приспособлены для подобного темпа перемещения. Вскоре они подплыли к коралловому городу, ворота которого отворились, подобно питерскому раздвижному мосту, и рыбы вместе с Василием заплыли в город, своды которого закрылись над ними, как гигантская шкатулка. Вокруг было много коралловых домов, обтекаемых конфигураций, отовсюду выплывали удивленные человеческих размеров рыбы с крыльями, чтобы поглядеть на пришельца. Но тут вдруг все на мгновение застыло, а затем начало происходить задом наперед, то есть время повернуло вспять, но память сохранялась прежней, и поэтому, когда наш герой оказался вновь в своей «Эстронед Васькинеде», как перед выходом, все вернулось на круги своя. Но вот только Василия тянуло спать, и он упал на диван в спальном отсеке. Только лишь закрыв глаза, погрузился в сон, в котором ему привиделся дед, поведавший ему о том, что это именно он повернул время вспять, чтобы оторвать внука от пока ненужного путешествия, так как есть дела и поважнее. И он обнаружил в своем видеотрансляторе способность видеть любые выбранные живые миры, где транслятором изображения является местное светило, как видеокамера. А лучи до звезд и обратно доносят микроимпульсные потоки, способные приумножать скорость света.

– Ну так вот... – сделал вступление ко второй части монолога Фискул и продолжил: – На планете Земля в XX веке близ Калуги, в деревне Молотиловке, живет сумасшедший дедушка Константин Макарович Жуков. Не тот чеховский, которому писал Ванька, а просто человек со схожим именем. У него есть внук, которого совершенно случайно зовут Иван, и он живет в городе Владивостоке со своими родителями. Так вот, этому Ване постоянно пишет абсолютно сумасшедшие письма его дед из упомянутой деревни, возмнив себя заботливым дедом внука, так нуждающегося в его письменной поддержке, – закончил дед Василия.

Наступила пауза, после которой Василий задал деду вопрос:

– Ну и что же здесь такого из ряда вон выходящего?

Дедушка помолчал и молвил:

– Дело в том, что этот дедушка – Константин Макарович – как бы есть, а также его внук Ванька. Но как бы их и нет, потому что трансляция написания писем в город присутствует, а вот импульсов жизни не передает, как иллюзия, но смысл в себе несет, как и положено, от реально живущих существ.

– То есть ты, дед, хочешь сказать, что нечто несуществующее транслирует течение своей нелинейной как жизни?

– Да, Вася, я и сам понимаю, что сие невозможно. В связи с этим у меня родилась такая мысль: этот Константин Макарович, чьи письма я тебе перешлю в корабельный компьютер, дабы ты их прочел, персонаж совсем другого рассказа. Мы с тобой, следовательно, тоже персонажи, и то, что мы об этом узнаем, является волей автора, то есть писателя, который нас

с тобой придумал и о нас пишет. И мы оживаем лишь в момент его творчества. Константин Макарович же совсем из другого рассказа, о котором я тебе говорил прежде, и воля писателя такова, чтобы мы с тобой об этом обо всем узнали, а затем научились перемещаться в этот параллельно идущий из-под пера автора рассказ. Я не знаю, как тебе такое положение вещей нравится, ведь наш автор (которого я не знаю, как зовут) не намерен писать о нас неподобающие вещи или, того более, нас уничтожить росчерком своего пера.

– Да, дед! Все, что ты мне рассказал, звучит странно, но не лишено смысла, ведь мы с тобой не можем существовать спонтанно, и каждый наш шаг невозможен без участия кого-то извне, кому все ведомо в своих подконтрольных собственной фантазии мирах, которые мы собой и населяем, не задумываясь, что нам незаметны перерывы в писательской деятельности автора, для нас подобные временному небытию, прерывающемуся, лишь только автор вновь берется за перо.

– Я рад, Василий, что ты у меня такой смысленный, – сказал дед.

Василий проснулся. Он по-прежнему был в спальном отсеке своего корабля. Он потянулся, встал со своего ложа и прошел в пульт управления сквозь раздвинувшийся в стене корабля разъем. На мониторах компьютера тут же возник его дед и напомнил, что все то, о чем он ему поведал во сне, сушая правда. И в доказательство отправил письма Константина Макаровича, которые Василий, попив кофе, принялся читать:

«Здравствуй, дорогой внучок Ванька! Пишет тебе твой дедушка Константин Макарович Жуков! А знаешь, почему он тебе пишет? Ага, а вот и не знаешь! А пишет он тебе по одной простой причине, что хочет тебя поскорее увидеть! А знаешь, почему он хочет тебя увидеть? Ага, а вот и не знаешь! А хочет он тебя увидеть по одной простой причине, он хочет, чтобы ты отразился в его зрачках, и, когда он тебя узнает, сопоставит с Ванькой прежним, тем, еще совсем маленьким, ходившим на деревянный горшок, который он же тебе и выстругал из пня, что торчал во дворе. Ты уж, Ванечка, уважь деда да приедь ко мне в Молотиловку. А не то, сам знаешь, зубы у меня железные – вмиг уши пообгрызаю. Надеюсь, ты помнишь, когда, еще будучи младенцем, ты ткнул моему ученому петуху Педагогу пальцем в гребешок, последнему это не понравилось, и тогда-то я впервые покусал тебя за уши, чтобы знал, как животину обижать! А потом ты громко плакал навзрыд и впервые обозвал меня дураком. Смотри, внучок, не совершай сей оплошности. Больше я нахваливать тебе свои зубы не буду, ты, надеюсь, и сам все прекрасно помнишь. Мои зубы у нас в деревне каждый знает, и потому меня опасаются, ведь давеча сантехнику Самосамову ими уши-то пообгрызал, после того как он возьми и брякни, что я гоню плохой самогон. Гляди-ка какой, моим самогоном сам председатель не брезгует! Постоянно пробу снимает, а вчера так „накидался“, что в собачьей будке переночевал, в которой я трехногого бегемотика Фуску держу, пойманного и прирученного в Африке, в Зимбабве, а после привезенного в Россию, и сделать мне это позволили, так как он был ранен и все равно бы не выжил в природе. Я его планктоном, что вылавливаю при помощи сачка, кормлю и сахара в него подмешиваю. Так Фуска у меня поправился, скачет по двору на трех ногах и не спотыкается, я ему шапочку выменял у Скрямуса Филеевича за бутылку самогона, теперь бегемот в шапке ходит, а Скряпус – без. Он ворот от шубы цигейковой поднимает, а голову шарфом заматывает: холодно нынче в Молотиловке. А бегемот, которого я Фуской кличу, переходил в Африке реку, и ему пираньи ногу-то и откушали. Его один вудуист хотел в жертву принести, так я ему в переносицу стукнул, у того два синяка, а у меня Фуска. Я в Африку билет в „Спортлото“ выиграл – и

вот съездил. Не понравилось мне там, уж больно жарко, и еще меня там муха цэцэ укусила, но мне хоть бы что! Не зря я с самогонным аппаратом, который „Спенполк–1“ назвал, не расстаюсь. Я и в Африке самогон гнал из ананасов.

Приехал в Россию, промыл и по старинке стал из дрожжей и из сахара. Председатель сегодня в обед заходил, мы с ним бутылку уговорили, его развезло, а у меня ни в одном глазу. Больно уж крепкий у тебя дедушка Константин Макарович Жуков, в свои семьдесят я себя на двадцать пять чувствую. Да бородой усы подтираю от сметаны, когда в них блинчики окунаю. На этом писать заканчиваю. Пока, внук».

Василий дочитал письмо и решил выйти на связь с дедом. Он набрал на бортовом компьютере нужную комбинацию символов, и вскоре на экране монитора возникло изображение его деда.

– Ну как, внучок, почитал письма Константина Макаровича? Его внук Ванька, по рассказу писателя, живет в твоём доме в квартире напротив, только в параллельном рассказе, а в нашем напротив тебя живет твоя двоюродная бабушка – Елизавета Максимовна. Как бы нам, Васенька, сделать так, чтобы наши рассказы пересеклись и вместо твоей двоюродной бабушки у тебя по соседству появился Ванька?

– А куда же девать Елизавету Максимовну? – поинтересовался Василий.

– А Елизавету Максимовну мы воткнем в третий, параллельно идущий рассказ, но для этого все нужно будет согласовывать с писателем!

– Но как это сделать? И послушает ли он нас? – задал сразу два вопроса Васькин.

– Кстати, у писателя имя – Денис. Он мне сам сегодня об этом сказал, а раз он вышел со мной на контакт, я думаю, и у тебя получится, – молвил дед. – Итак, вот тебе поручение: свяжись с Денисом и попроси его об одолжении, пусть он сделает так, чтобы внук Константина Макаровича Ванька переместился в квартиру по соседству с тобой, так нам легче будет найти самого сумасшедшего дедушку, переместившись в рассказ о нем, а твою двоюродную бабушку пусть переместит в еще не начатый рассказ как заготовленного персонажа. Она даже ничего не сможет понять, пока автор не станет о ней писать, если вообще станет.

– А как же мне обратиться к писателю так, чтобы он меня услышал? – спросил Васькин.

– Сосредоточься и обратись к нему мысленно с упомянутой просьбой. Быть может, он тебе не ответит, но напишет продолжение сего повествования именно так, чтобы осуществилось все то, что я задумал.

– А что ты задумал, дедушка? – поинтересовался Васькин.

– А об этом, внучок, тебе удастся узнать значительно позже. А теперь я с тобой прощаюсь, ты проинструктирован.

Тут же изображение Фискула исчезло, и Василий остался один в кресле перед монитором.

Он попил кофе и, усевшись в кресло, сосредоточился и мысленно обратился к автору сего рассказа. Ответа, как и говорил ему дед, он не услышал, зато вскоре зажегся монитор компьютера и на небе возник Фискул.

– Василий, сработало! – молвил он, как будто бы знал, что внук удовлетворил его просьбу и обратился к писателю... Дед добавил после паузы: – Ванька, теперь твой сосед уже в нашем рассказе, я уловила по передатчику информации с разных уголков вселенных, да что там вселенных, целых коч! Что импульсы, исходящие от него, наделены жизнью. А значит, что он «наш»!

– А как же нам посредством этого переместиться в рассказ о Константине Макаровиче? – поинтересовался Василий.

– По всем моим данным, письма Константина Макаровича доходили до Ваньки, тот просто не отвечал, опасаясь за сохранность своих ушей. А теперь он вовсе обрадовался, что оказался вместе с родителями в другом рассказе, а о том, что это так, поведал ему я, явившись

ему во сне. А о том, что этот сон был не пустой, я уверил его тем, что после прервал передачу по телевизору, которую смотрел Ванька, и, возникнув у него на телеэкране, все подробно объяснил. А он мне в свою очередь рассказал, что утром все же получил письмо от деда, но, после того как прочитал, оно исчезло, растворилось в его руках. Это радует, Васенька, значит, связь между параллельно идущими рассказами уже есть! И скоро я найду способ, как между ними путешествовать, но прежде ты должен прилететь ко мне на Соберказу и принять участие в совете, который намечен по этому поводу, а также по тому, что мы можем принять участие против злодея Меё, который являет собой сверхкочу, на котором наша, как я говорил тебе прежде, является лишь шарфом на его шее, которым он по известной тебе причине так дорожит. Причем в коче Меё во всех его составных вселенных правит он, контролируя каждую населенную планету в каждой обитаемой системе.

Посетить сверхцивилизацию, которой являлась Соберказа, Василию было интересно, но ему ужасно хотелось спать, и, прервав контакт с Фискулом, он попал в спальный отсек и рухнул на диван рядом с вздымающимся тельцем Лязги. Во сне он увидел освещаемую Луной пустыню, где весь небосвод был усеян звездами, а к нему приближался высокий силуэт какого-то странного двухголового – человека ли?

Приблизившись и представ перед Василием во всей своей красе, одна голова, согнув свою длинную шею, чтобы склониться над Васькиным, произнесла:

– Мы еще с тобой не раз встретимся, но знай: ты и твой дед Фискул обречены на погибель.

Вторая голова на такой же тонкой длинной шее обвилась вокруг первой, и вот они обе синхронно и быстро, приблизившись к нашему герою, в унисон сказали:

– До встречи на Соберказе.

От испуга Вася проснулся. По тому, как его сердце забилося учащенно, ему даже показалось, что Лязга лежал рядом с ним. Свет в отсеке автоматически включился, запрограммированный на его пробуждение. Когда же Василий пришел в главный отсек с компьютером, тут же на мониторе возник его дед и сказал:

– Я все знаю, я тоже присутствовал в твоём ночном видении, просто не выдал себя и остался не замеченным Меё.

– Дед, мне кажется, Меё черпает силу из наших ошибок! Как ты можешь называть Константина Макаровича сумасшедшим?! Да, он с причудами, но ты лишаешь его рассудка и в моих глазах, вернее, ненавязчиво пытаешься убедить меня в этом. Ты что, считаешь себя эталоном мышления?

– Да нет же, дорогой Вася! Имея все свои знания и умственный рост, я никогда не посмел бы назвать кого-либо умалишенным, я называю Константина Макаровича сумасшедшим с большой буквы, подчеркивая в нем ту изюминку, что отличает его от основных масс! Да, было дело, покусал он внука за уши, но ведь это своеобразная мера наказания, пусть кому-то она покажется изощренной. А как же тогда наказание ремнем?! Он же не носит в рюкзаке коробку с бигудями, чтобы заплетать их первому встречному в принудительном порядке, а кабы и носил и заплетал односельчанам, так и всему можно найти объяснение – дед неординарен, за словом и действием в карман не полезет, шаловлив, подлец, как дитя малое, но все же отдает отчет своему возрасту. Все в деревне к нему привыкли, но и опасаются, зная о том, что дед справедлив и на выдумку хитер, а проучить может из ряда вон выходящим образом. Вот, в общем-то, я и охарактеризовал его вкратце. Теперь вернемся к тому, что завтра ты должен быть на Соберказе и участвовать в совещании старейших, в число которых вхожу и я. Будем решать план действий относительно обезвреживания Меё. Достаточно ликвидировать ему вспомогательную голову, которая служит лишь для устрашения и введения существ в заблуждение относительно его неуязвимости, но, как только он окажется без вспомогательной головы, он потеряет свои сверхмасштабы, уменьшится до своих первоначальных размеров и предстанет перед судом на Соберказе.

Василий по наказу деда запрограммировал путешествие на Соберказу и вскоре уже стоял на залитой лучами местного светила поляне.

– Звезда называется Игазява! – раздался откуда-то знакомый нашему герою голос.

Тут же перед ним возник его дед, а также еще несколько гуманоидов, схожих с ним по виду. Вокруг них появились стены, затем пол и потолок, своды которого были так высоко, что было неясно, откуда идет освещение. Но, несмотря на это, оно присутствовало, не скрадывая пределов привычной видимости.

Все сели за возникший посреди зала стол, имеющий овальную форму. Нашлось место и Васькину. Старейшин, включая Фискула, было всего шесть. Включился сверхтранслятор, на экране возник Меё.

– Не бойся Вася, он тебя не видит. Соберказа – единственное неподконтрольное место в нашей коче. Неподконтрольное Меё.

– А сейчас сюрприз для нашего путешественника! – добавил все тот же продолжающий говорить старейшина, обращаясь к Васькину.

Тут же на свободном месте за столом появился старичок, имеющий земное обличие. Он был одет в красную в горошек рубаху, просторные штаны, имел длинную седую бороду и был подстрижен под горшок. «Константин Макарович!» – мелькнуло в голове у Васькина, и он оказался прав.

– Старейшинам удалось при помощи сверхтехнологического телепортатора переместить упомянутого ранее человека из совершенно другого рассказа в оный, – сказал все тот же из присутствующих гуманоидов и представился: – Сугрик.

Константин Макарович не мог понять, где он оказался и что это за инопланетяне вокруг. Он тер глаза, пытаясь проснуться, но это был не сон. Наконец, он не без ноток испуга произнес:

– Где я?

– На планете Соберказа, что в созвездии Ядовитого Паука, – молвил Васькин.

А его дед начал свой долгий рассказ, чтобы ввести Жукова в курс событий. Константин Макарович оказался понятлив, сообразил, что он не только за пределами Солнечной системы, но и вообще в другом рассказе, а также что вызвали его для того, чтобы нейтрализовать злодея Меё, поработавшего целые кочи, так как он не источал флюидов присутствия жизни в сем повествовании, даже находясь здесь, и поэтому мог незамеченным подобраться к Меё и отсечь ему вспомогательную голову. Оставалось лишь увеличить Константина Макаровича до гигантского размера, чтобы он мог совершить данное действие. Старик был ошарашен, но согласился, так как на кону было все мироздание.

Его завели в специальный аппарат, вручили подобие земной сабли и – о ужас! – он оказался позади двуглавого чудовища с белым вязаным шарфом на шее одной из голов. «Эта, что с шарфом, основная», – мелькнуло в голове Константина Макаровича, и он с размаху шарахнул саблей по вспомогательной. Меё заметил его, когда одна из голов слетела с его плеч. Тут же все завертелось, закружилось, и вскоре Меё, связанный, предстал в зале, где заседали старейшины и Васькин. А связали его при помощи специального излучателя, лучи коего не рассеивались и не давали двинуться попавшему в их пределы объекту, коим оказался вышеупомянутый злодей.

На следующее утро, когда Игазява взошла на небосводе планеты и вместе с этим в верхах запели местные птицы – инилгипсы, приземляющиеся лишь раз в сутки, чтобы поесть плодов глябзы, растущей здесь повсюду, и поспать совсем чуть-чуть, чего им хватало на полный полета день, электронные горны вострубили суд над негодяем Меё, который, скованный лучами, по воздуху был переправлен на центральную площадь города, где, кроме старейшин во главе с Фискулом, Константина Макаровича и Василия, никого не было, да и самой площади не было видно. Но тут она стала проявляться под ногами в виде замысловатой бледно мерцающей брусчатки. Затем и тут, и там стали откуда-то появляться местные жители, буквально проявляясь

в пространстве. Их становилось все больше и больше. Наконец, появился помост, на который был установлен Меё. Приблизился Фискул, и наступила всеобщая тишина. Он прокашлялся в мегафон, висящий в воздухе возле его рта, и произнес:

– Совет старейшин решил предателя Меё приговорить к полному изъятию памяти, вернуть физически в младенческую фазу развития и передать на воспитание бездетной семье Пенсисов, что присутствуют ныне здесь!

– Отлично! – выкрикнул кто-то из толпы. Оказалось, это был глава семейства Пенсисов, мужчина по имени Ритузий. Пенсисы – это что-то вроде нашей фамилии, только передавалась она до седьмого колена, а далее старший из рода мог выбрать себе любую другую из предложенного перечня создателей герморсов (фамилий по-нашему). Они составлялись, учитывая перепись населения и род занятий соберказцев.

Меё на глазах у всех уменьшился и, влекомый обаявшими его лучами, опустился главе семейства Пенсисов на руки. Лучи исчезли, и он громко заплакал, подобно земным младенцам. Все стали поочередно исчезать, оказываясь в невидимом рубеже этой (как оказалось, загадочной) планеты. А Фискул, подойдя к внуку, положил ему обе свои зеленые руки на плечи и усадил во внезапно возникшее кресло в корабле Василия, куда его и переместил в мгновение ока.

– Нам пора на Луну проведать твою бабушку, а сейчас почитай письмо (новое) от Константина Макаровича, которое он уже успел настроить внуку после путешествия на Соберказу.

Наш герой уставился на внушительных размеров монитор, вмонтированный в стену отсека корабля, и увидел избу, в коей проживал уже знакомый ему старичок, который и попал в поле его зрения сидящим перед завершённым письмом внуку. Камера приблизила текст и отсканировала даже то, что было написано на обратной стороне простого тетрадного листа в линеечку:

«Здравствуй, внук! Я тут на Соберказе побывал, это планета такая в созвездии Ядовитого Паука, отсюда не видать, слетал в соседнюю кочу и обезвредил негодяя Меё, меня похвалили инопланетяне и отправили назад на Землю».

Тут же письмо, лежавшее на столе и еще не погруженное в конверт, растворилось и появилось на книге за школьным столом Ваньки. Подобный способ почты телепортацией даровал Константину Макаровичу Фискул. Но вот что странно: письма доходили, хотя Ванька был перемещен в другой рассказ, однако по прочтении им исчезали бесследно. Этого не мог понять даже Фискул, почему именно так происходит.

А Ванька, прочтя письмо, подумал, что дед напился самогона, вот ему повсюду инопланетяне и мерещатся. Но Фискул задумал встретить деда с внуком, родители которого (Ваньки) были в отъезде. Он при помощи сверхтранслятора, который, транслируя, перемещал существ из пространства в пространство вместе с потоком лучей, отображающих изображение, и параллельно мог наблюдать за ними, а также делиться им с окружением в любых уголках бескрайнего космоса. Итак, Константин Макарович оказался под входной дверью Ваньки, что, как известно читателю, жил напротив Васькина с недавних пор. Эту трансляцию наблюдал и наш герой посредством бортового монитора. Константин Макарович, направляемый явившимся ему Фискулом, позвонил в дверь, за которой послышались приближающиеся шаги. Бахнул замок, скрипнула дверь, из-за которой на деда смотрел ошарашенный внук Ванька.

– Дед? Проходи! – засуетился Ванька, приглашая Константина Макаровича в квартиру.

Константин Макарович прошел, сняв лапти и портянки, влез в предложенные тапочки, которые пришлось ему впору, и, пройдя на кухню, присел на стул, любясь расписным самоваром, стоящим по старинке на кружевной салфетке посреди чистого обеденного стола.

– Чай будешь? – поинтересовался Ванька, машинально включая электрический самовар.

– Нет, мне бы чего-нибудь покрепче и салца на закуску, – проговорил дед.

Ванька без спроса, потому что спрашивать было не у кого, достал из отцовской заначки бутылку коньяка, протер полотенцем рюмку и поставил перед дедом. Затем открыл морозильную камеру, достал шпик и, нарезав аккуратными ломтиками, положил в блюдце. Дед распечатал бутылку и, налив себе сто граммов, залпом опустошил стопку, занюхав кусочком сала и добавив:

– Когда я начинаю закусывать, председатель под стол прячется. У тебя, внучок, еще все впереди. – Он налил вторую стопку и, крикнув, опустошил и ее, затем третью, четвертую, пятую! – Вот теперь, дорогой Ванечка, пришла пора и закусить! – молвил недобро дедушка и вцепился зубами в ухо внуку.

– Ая-я-я-я-я-й! – завопил Ванька, пытаясь вырваться из крепких объятий дедушки, строго не на шутки. Тот внезапно развел свои руки, и Ванька по инерции, пятясь, плюхнулся на стул рядом с дедом.

– За что, дедушка? – пролепетал он.

– Я тебе восемь лет писал письма, а ты не удосужился мне ответить. Теперь, пока я буду у тебя гостить, будешь читать мои письма вслух, после того как я в твоём присутствии их накаляю!

С этими словами Константин Макарович отодвинул могучим плечом внука и, пройдя в детскую, уселся за письменный стол внука. Он вырвал из школьной тетради Ваньки двойной листок, взял с подставки пишущую ручку и, кашлянув в кулак, принялся писать:

«Здравствуй, внук! Напоил ты меня! За то хвалю». И тут дед прервался, повернулся к склонившемуся за спиной внуку и, схватив того за голову, больно укусил за правое ухо. Внук, отшатнувшись испуганно, преодолевая боль, сказал:

– За что? Дедушка!

– А помнишь, внучок, как у Высоцкого: «Я не люблю, когда чужой мои читает письма, заглядывая мне через плечо!»

– Но, дедушка, я же тебе не чужой! – возмущенно молвил Ванька, потирая укушенное ухо.

– И то верно, виноват! – пробормотал Константин Макарович и добавил: – Ну, наказаний без вины не бывает. Зачем ты у своего отца без спроса взял коньяк, а?

– Но ведь ты сам попросил, отказавшись от чая и сказав, что тебе необходимо что-нибудь покрепче, тем более у меня есть кое-какие сбережения и ущерб отцу я возмещу!

– Да кто же тебе продаст спирт в двенадцать-то твоих годков? – задал риторический вопрос строгий дедушка и уже полегче тыпнул внука, на сей раз за левое ухо. – Надо, внучок, к любой задаче подходить конструктивно! Сколько у тебя насчитывают твои сбережения? Авось мне еще на бутылочку «беленькой» хватит! – сказал дедушка.

Внук, не говоря ни слова, разбил об пол свою копилку и принялся считать мелочь. Вышло без малого пятнадцать рублей. Дедушка расплылся в улыбке, добавив:

– Пожалуй, задержусь я у тебя на недельку!

С этими словами рассовал мелочь по карманам, поцеловал в лоб внука и, взяв ключи от входной двери, отправился в близстоящий винно-водочный магазин.

А Ванька пока принялся за уборку, опасаясь за уши, чтобы уважить строгого дедушку. Тот вскоре вернулся с авоськой, полной спиртного, а для внука приобрел стаканчик мороженого в вафельном стаканчике. Конечно, на свои сбережения Ванька мог купить мороженого значительно больше, но до сей поры он копил на велосипед. Однако как приветил деда, остался без велосипеда.

Тем временем Константин Макарович расположился за столом, откупорил бутылку водки и только собрался выпить стопку, как исчез и появился в своей избе в Молотилровке. Оказалось, что в параллельных рассказах можно присутствовать не более четырех часов, а

далее все возвращается на круги своя. Василий, наблюдавший за происходящим с монитора бортового компьютера, обратился к своему деду за разъяснением:

– А почему Ванька прижился в рассказе про нас, а Константин Макарович – нет?

– Ты же сам, Василий, обращался к писателю с просьбой о Ваньке, чтобы он поселил его в квартире напротив, а вот относительно его дедушки такой просьбы не было. Я самолично перенес его к Ваньке.

– Дедушка, а может быть, обратиться к писателю с просьбой произвольно путешествовать из рассказа в рассказ? – поинтересовался Васькин.

– Да, Васенька, это идея! Я сам ею займусь и надеюсь, что автор исполнит мою просьбу, – сказал, Фискул исчез с экрана монитора.

А на следующий день наш герой, совершая посадку на планету Стенюкию, собирался было выйти на поверхность оной, как зажегся монитор и глазам Васькина предстала следующая картина: Константин Макарович в своей избе с Фискулом пьют самогон, закусывая солеными огурцами, и о чем-то оживленно беседуют. В следующее мгновение изображение на мониторе погасло.

«Так, все-таки автор внял просьбе деда, и тот теперь без помех может перемещаться в параллельный рассказ. А как же я?» – пронеслись мысли в голове Василия. Тут вдруг в «Эстронед Васькинеде» появился Фискул в обнимку с Константином Макаровичем.

– Я понимаю, Вася, что ты собирался прогуляться по просторам Стенюкии, но мы договоривались посетить Луну и, следовательно, проведать твою бабушку! – произнес Фискул и, вербально задав курс, плюхнулся в кресло.

Константин Макарович последовал его примеру. К счастью, кресел в корабле было достаточно.

– Дед, но на Луне же нет кислорода! – молвил Васькин.

– Не забывай, что ты наполовину соберказец и можешь в течение пяти суток (земных) находиться в безвоздушном пространстве. И говорить ты можешь на всех космических языках, это заложено в твоём ДНК, а то ведь как бы ты общался с жителями других миров? – сказал Фискул.

– А как же Константин Макарович? Он же на все сто процентов землянин!

– А его мы оставим на корабле!

Василий с Фискулом выбрались на поверхность спутника Земли и оказались перед огромным прозрачным куполом. Был день, и ярко светило солнце.

– Проход сквозь купол, – молвил дед и, сам преодолев преграду, оказался внутри.

Василий последовал его примеру. Податливый купол сомкнулся за ними, и оказалось, что внутри он заполнен воздухом. Дед с внуком оказались перед большим одноэтажным домом. Василий дернул ручку на входной двери. Та со скрипом отворилась, и они зашли внутрь. В доме было все по-земному: земная прихожая, земная утварь, земная кухня с земной электропечью марки «Лысьва».

– А электричество вырабатывается из вакуума, – разъяснил дед.

На шум из спальни вышла бабушка, она совсем не изменилась и, увидев гостей, сильно обрадовалась.

– Бабушка, а чем же ты здесь питаешься? – спросил Васькин.

– Васенька, твой дедушка снабдил меня аппаратом, способным размножать готовые продукты на Земле и телепортировать их на Луну.

– Да, дедушка у меня молодец! – сказал Васькин и добавил: – Благодаря ему ты, бабушка, все еще жива!

После трапезы все трое отправились в зал, расположились в креслах и начали беседу.

– Я, Васенька, не скучаю, твой дедушка снабдил меня всем необходимым, через этот монитор я наблюдаю за своей дочерью и зятем, а также за тобой, внучок, и все мне о вас

известно. А еще твой дедушка привез мне с далекой Фиризны экзотического зверька, повадками напоминающего земного кота, но несколько иных форм. Он абсолютно круглый, мордочка как будто нарисована на шарике, а четыре лапки поочередно выпускаются из тела при ходьбе и так же поочередно прячутся после шага вглубь всей его массы. Бультальмончик! Иди, иди сюда, дорогой!

На зов прибежал вышеупомянутый зверек, совершая свой шаг в точности так, как описала бабушка Василия. Увидев гостей, он немного растерялся, затем, набравшись храбрости, всех обнюхал и, подпрыгнув, махом уместился у хозяйки на коленях, слегка сплюснувшись из-за того, что расслабился. Фискул прокашлялся и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.